

ЧЕЛОВЕК острейшего ума и глубочайших знаний, полный любви к подлинному искусству и убийственной иронии ко всему окружающему, Филипп Гершкович жил в крохотной однокомнатной квартирке вместе с молодой женой Леной и котом Кисиком, едва сводя концы с концами. В Союз композиторов его не допустили, из Музфонда изгнали, а людей, которые бы его могли поддержать или дать хотя бы денег взаймы, становилось все меньше и меньше. Раскрыв том бетховенских сонат, партитуру Малера или Шёнберга, он трудился целыми дня-

Шёнберга еще четверть века спустя «пу- гали маленьких детей».

В эти же годы он пишет ряд сочинений: три пьесы для фортепиано, четыре пьесы для виолончели с фортепиано, кантату для голоса и камерного ансамбля на стихи Р. М. Рильке и Ф. Г. Лорки. Музыка Гершковича не исполнялась, и хотя это огорчало его (он говорил: «Пока сочинение не исполнено или никому не показано, кажется, что его не существует»), он считал основными своими сочинениями — сочинения о музыке, а музыка — это второе. Я видел эти партитуры только мельком, но убежден, что они заслуживают самого серьезного отношения. Можно сказать, что они написаны целиком в эстетике Шёнберга.

● ТАКАЯ СУДЬБА

С неведомой Моск. комсомолец - 1991 - 21 марта планеты

ми, делая все новые и новые уникальные открытия, которые, как он думал, когда-нибудь составят книгу — главный труд его жизни. Иногда он давал уроки, но говорил при этом: «У меня нет учеников. Я — единственный свой ученик». Когда же кто-то называл себя его учеником, не преминув напомнить, что Гершкович — ученик Веберна, Филипп Моисеевич восклидал с негодованием и горечью: «И тогда получается, что я — обвешанная ложка! Это неприятно... Тем более что и Веберну эта каблучная ситуация не очень подходит».

Фавн, или Фабиш Гершкович, родился в румынском городе Яссы в семье торговца пуговицами. В Яссах он закончил консерваторию, где, по его словам, его хорошо научили гармонии, и в 1927 году он поступил в Венскую Академию к Йозефу Марку, дружившему с Шёнбергом на почве живописи («оба писали картины — неизвестно, кто хуже»). С 1929-го по 1931-й он учился у Альбана Берга («который ничему не учил»), а затем, с 1934 года, у Антона Веберна, одновременно работая корректором в «Универсальном издательстве». Веберн выдал ему диплом — клочок бумаги, на котором собственноручно начертил, что Гершкович, пройдя у него полный курс обучения, имеет право преподавать композицию и теоретические дисциплины. С этим дипломом, спасаясь от Гитлера, из нацистской Вены он уехал в г. Черновцы, который Сталин вовремя присоединил к своей империи.

Шесть лет Гершкович провел в эвакуации в Средней Азии, в основном в Ташкенте, где узбекский музыкальный халиф Ашрафи принял его в члены Союза композиторов, но в Музфонде отказал — чтоб Гершкович не мог там одалживать деньги. Когда же в 1946 году он переехал в Москву, в Союз композиторов его не восстановили (началась кампания против космополитов, выражавшаяся в основном в гонении на евреев), зато приняли в Музфонд. Тогда в Москве имена его учителей ничего не значили, а именем

ОДНАКО время шло. Новозенцы, не успев войти в моду, успели из нее выйти, и Гершкович оказался всеми покинутым, никому не нужным чудачком. «Мне нужен кто-то, с кем бы я мог делиться своими мыслями о музыке!» — твердил он, но это был глас в пустыне. Не найдя выхода из духовного вакуума, он подал заявление на выезд из страны. В выезде ему отказали. От отчаяния он даже сочинил письмо Тихону Хренникову — нашему бессменному музыкальному вождю, где писал, что обращается к нему, так как при всем их различии, они все же имеют кое-что общее — выражают свои мысли нотными знаками. Свою жизнь он рассматривает как сонатную форму, экспозиция которой прошла в Вене, разработка в Советском Союзе, и теперь он нуждается в репризе. Хренников не стал серьезно вникать в красоту этой идеи и продирижировал своему секретарю формальный ответ, что, дескать, делами такого рода занимается не он, а ОВИР.

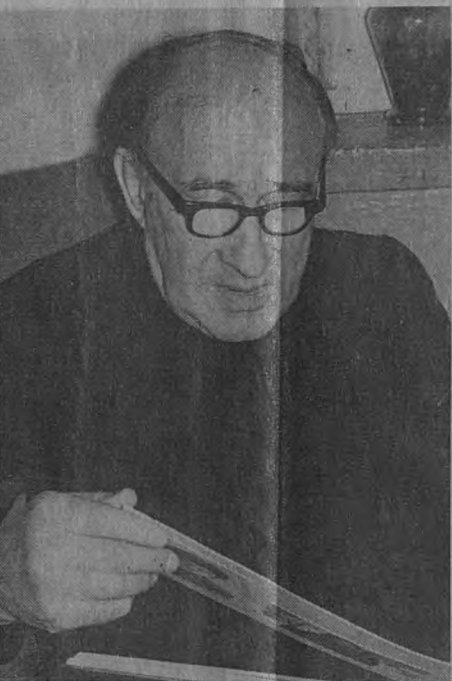
Это были тяжелые времена для Гершковича. Вслед за заявлением в ОВИР автоматически последовало изгнание из Музфонда с присуждением выплаты огромного долга. Круг приятелей катастрофически сокращался. Имя его больше нигде не упоминалось и произносилось только шепотом.

Наконец из Берговского общества пришло приглашение приехать для участия в подготовке собрания сочинений Альбана Берга. В декабре 1987 года Гершкович вместе с женой выехал в Вену, где продолжил интенсивную работу над своей книгой и над переводом уже готовых статей на немецкий. Через полгода он заболел. У него была обнаружена опухоль мозга. После трех операций, которые про-

шли удачно, у него отказали почки. Он умер 5 января 1989 года и был похоронен в еврейской части венского кладбища.

БУДУЧИ последовательным учеником Веберна, Гершкович воспринял от него отношение «к творчеству Бетховена как к высшей точке развития музыкальной формы». «Все идет к Бетховену и от Бетховена», — часто повторял он. Познакомим самого Гершковича:

«Есть два вида композиторов. Те, которые делают музыку, и те, которые с музыкой что-то делают. Для того, чтобы пе-

ресчитать первых по пальцам (я имею в виду последние 250 лет), нам не пришлось бы утрудить пальцы наших ног; пальцев рук хватит с лихвой. Вторые же — это все остальные; их хватило бы на то, чтобы составить население не совсем карликового государства. Музыка первых делается звуками, но существует независимо от звуков. Музыка вторых делается ради звуков. Первая — это мир кристаллов; вторая — мир (хороших и плохих) каш...».

О каждом из великих мастеров Гершкович оставил множество метких высказываний. Вот некоторые из них:

...«творчество (Баха) еще представляет собой карту, на которой белых пятен куда больше, чем на карте Африки в XIX веке. Осознаем, однако, что баховские белые пятна никогда не будут исчерпаны до конца. И это лишь потому, что величие великого мастера бесконечно».

«Бетховен — это то же самое, что Моцарт. Все, что есть в Моцарте, развито Бетховеном. Это одно явление».

«В Вагнере нет длинот; в нас есть краткости» (из письма).

«Из великих мастеров в консерваториях никто не учился, кроме Малера» (из беседы).

«Шёнберг, этот Колумб музыки нашего времени, открыв Америку, действительно открыл и новый путь в добрую старую Индию...».

«У Брамса форма не развивается, а тянется, как нитка, — но тянется хорошо» (из беседы).

«В то время как Шуман и Мендельсон — таланты умопомрачительной высоты — делали свои лубочнообразные симфонии, сонаты и т. д., Брамс (как и Вагнер, но иначе, чем Вагнер) понял суть Бетховена. Однако это не было творческим пониманием. Из понимания Бетховена Вагнер извлек возможность стать Вагнером, Брамса же уничтожило его непутевое желание стать вторым Бетховеном» (из письма).

Нашим современникам досталось куда больше:

«Стравинский делал музыку из балетов так же, как Шостакович делал свои симфонии из кинофильмов, — опыт его таперской деятельности в кино наложил отпечаток на его музыку» (из беседы).

«Шостакович — сплошное общее место, а Стравинский — сплошное частное место».

«Штокхаузен — это то же самое, что и Булез, только без фрика».

«Халтурщик в трансе», «омлет из скорлупы», «музыкальные обои», «музыка, откастрированная от времени» — вот эпитеты, которыми он нередко снабжал композиторов и их сочинения.

Гершкович считал, что сейчас в музыке наступил спад или провал. Стремление во что бы то ни стало казаться новым, оригинальным часто оборачивается пустозвонством, игрой в бирюльки и объясняется просто жадностью успеха, что он называл «незвклидовым карьеризмом». «Самая старая элигонская музыка та, которая стремится быть новой!» — восклицал Филипп Моисеевич.

Он радовался, когда ему что-то нравилось в новой советской музыке, которая, по его словам, представляет собой «выставку талантов». Он давал наставление: «Не быть добреньким относительно самого себя; не превращать «творческий процесс» в глажение себя по головке; не разрешать себе быть с музыкой на «ты»... Талант не пороки. От него можно отталкиваться к чему-то более стоящему» (из письма).

Наследие Филиппа Моисеевича Гершковича, этого гениального музыкального ученого, не должно быть похоронено, и хочется верить, что недолго осталось ждать, когда оно станет достоянием музыкальной общественности.

ДМИТРИЙ СМЕРНОВ.

Фото автора.